

Глава 1

Как я оказался в этой глухомани? Ох, сложный вопрос... сам себе удивляюсь! Тверская область, один из ее райцентров, и один из ОМВД, каких по стране множество и множество, похожих друг на друга как две капли воды.

Никогда не думал, что стану участковым. Да и вообще — чтобы я вдруг оказался в ментах?! Да скажи мне кто-нибудь в моем веселом детстве и юности, что Васька Каганов вдруг станет ментом — да я бы ему в глаза плюнул! Но вот стал.

А что было делать? Служил я связистом в одной из частей на востоке нашей необъятной родины, ездил на «Урале»-кунге, напичканном радиоаппаратурой, и случилось так, что в один прекрасный момент осточертела мне воинская служба. Ну так осточертела — что просто и выразить словами нельзя, а только матерными выражениями!

Рассказывать долго, да и вспоминать кое-что не хочется. Тупость моего непосредственного начальства, плюс постоянные придирки, плюс... много чего плюс. Такого, что... только близкому другу расскажешь, да и то — погодишь.

Ни семьи не завел, ни детей — к двадцати семи прожитым годам. Родни у меня нет — мама умерла,

когда я еще учился в военном училище, и родила она меня даже не знаю от кого. Незаконнорожденный — так нас таких почему-то называют. Непонятно только, что такого незаконного в рождении ребенка...

Отца она мне так и не назвала. Сказала, что пришла ей пора рожать, вот она и родила. Ну как в фильме «Остров» — там одна дурочка пришла в монастырь к местному «святому» за благословением на аборт. И тот ее погнал оттуда чуть ли не пинками, а напоследок сказал, что мальчик у нее будет — «золотой»! Утешение на старости лет. Ну вот я и есть этот самый «золотой» мальчик-утешение.

Только утешить маму мне на старости лет не пришлось. Нашли маму зимой в сугробе мертвой, с разбитой головой. Какая-то мразь стукнула ее по голове ради жалких грошей, которые могли быть в ее сумочке. Она возвращалась поздно, была учительницей в нашей школе, во вторую смену. Ну вот и...

Убийцу не нашли. И мне кажется — особо и не искали.

Может, потому после увольнения я и пошел в участковые? Подсознательно мечтая найти убийцу своей матери. Вернее так — не в участковые, а в полицию, никогда не думал, что окажусь в участковых.

А почему все-таки тут оказался? Да по одной простой причине: другого места для меня не было. В опера меня не взяли, в патрульную службу тоже, для следователей нужно юридическое образование, а участковый... это участковый. Тут хватит и военного училища.

Так я и стал старшим лейтенантом полиции, участковым ОМВД одного из районных центров

Тверской области. Какого именно райцентра? Да какая разница... говорю же — все они похожи, как близнецы-братья, видел один — значит, видел все.

Вообще-то я начал попытки устроиться в полицию в самой Твери, но из Твери меня направили в районный центр, где с распростертыми объятиями и приняли на должность сельского участкового уполномоченного. Чему я по большому счету и не противился.

Начальник отдела полковник Климушкин так расписал мне прелести сельской жизни, что я не больно-то и сопротивлялся — дают дом в деревне Кучкино — пусть и не со всеми удобствами, но большой и теплый, дают «УАЗ Хантер» с некоторым количеством горючего на месяц, выделяют оргтехнику в виде компьютера, принтера и даже старенького сканера — чтобы вовремя составлять бумаги. Живи, служи, радуйся! Вокруг — леса! Речки! Озера! Дыши свежим воздухом! Лови рыбу! Охоться!

Народ доброжелательный, преступлений совершается мало — не жизнь, а малина! И до Москвы всего двести километров, захочешь посмотреть на Ленина — съезди, одним днем обернешься! Чем не жизнь?

Почему мне надо было именно Ленина смотреть — не знаю, но в остальном Петр Михайлович Климушкин был очень убедителен. Честно сказать, после моей «бурной» службы мне вдруг очень захотелось забиться в глухой сонный уголок и переждать, пересидеть некий период моей непутевой жизни.

Мамин дом я продал, кое-какие деньжата у меня водились, зарплата участкового вполне себе недур-

ная, а в такой глухомани... в общем, умереть с голоду я не опасался. Ну а там уже видно будет.

Год после увольнения из армии я пытался найти себя в жизни, искал подходящую работу, поски-тался по фирмам (даже в Москве пробовал рабо-тать), и сделал для себя вывод — нечего мне делать в больших городах. Не для меня они.

Как уже говорил — по инерции попробовал устроиться в Москве, но тут же улетел оттуда ясным соколом, поняв, что мне там ничего по большому счету не светит. Нужных знакомств у меня нет, да и Москва мне не нравится своей безумной суетой и показной деловитостью. Злой город, высасываю-щий из человека все соки и не дающий взамен ни-чего, кроме злости и осознания собственной ник-чемности.

То ли дело участковый в провинции — царь и бог, власть и карающий орган! По крайней мере, так мне это представлялось на первых порах.

Итак, мне двадцать семь лет, я прошел все комис-сии, получил удостоверение полицейского с указа-нием звания и должности, простажировался около полугода у старшего участкового Микрюшкина Се-мена Афанасьевича, получил в гараже райотдела по-трепанный «уазик» без опознавательных знаков по-лиции (просто зеленый, как все военные «уазики»), и в середине мая отправился в деревню Кучкино, где мне теперь предстояло жить и работать, обслуживая два с лишним десятка деревень, в которых общим числом живет несколько тысяч жителей.

Опорный пункт полиции располагался тут же, в том доме, в котором я собираюсь жить, — при-строен к нему сбоку и сложен из красного кирпича,

в отличие от старого бревенчатого дома, возрастом как минимум в сотню, а то и побольше лет.

Кучкино — эдакий «недорайцентр». Тут живут около тысячи человек, и если бы это село было поближе к райцентру — то Кучкино точно бы сделали одним из районов райцентра. Но... не райцентр. Отсюда до райцентра двадцать километров отвратительной, мерзкой дороги, стыдливо именуемой грейдером. В насыпанной на дорогу глине намертво впечатаны угловатые булыжники, по которым только и ездить на машинах подобных моему убогому «хантеру», отрывке двадцатого века, по какому-то недоразумению выпускаемому и по сей светлый день. Как его ни назови, он все равно останется «уазиком», ломающимся тогда, когда тебе этого больше всего не хочется.

Но другого транспорта для меня нет, так что придется работать с тем, что мне послала судьба. В конце концов, я не белоручка, в машинах разбираюсь вполне недурно и могу починить многие из неисправностей такого вот чудного аппарата.

А еще — все-таки участковый, и хреновый я участковый, если не смогу найти какого-нибудь «Кулибина», навести с ним мосты дружбы и припрячь обслуживать мой выдавший виды, дребезжащий всеми сочлениями пепелац. За какие-нибудь бонусы к нелегкой жизни мастера-ремонтника.

Вообще в разговоре с начальником отделения участковых, майором Мироновым, он мне почти впрямую намекнул, что дельный сельский участковый как сыр в масле катается и обеспечен не хуже, чем какой-нибудь приличный предприниматель.

И если я проявлю смекалку, — все у меня будет хорошо.

Так-то я не дурак. И в «гешефтах» кое-что понимаю. И если не знаю, то догадываюсь, как сельский участковый может «проявлять смекалку». И это не только легкие натуральные поборы с населения, в виде масла-мяса за то, что не увидел кое-какие мелкие прегрешения, не только «крышевание» мелкого сельского бизнеса, но и например — открытие своих торговых точек в виде магазинчиков и ларьков. На чужое имя, разумеется.

Только вот не хочется мне этого. Покоя хочу. А денег мне и так хватает. Оклад, плюс за звание... Форму выдают, обувь выдают, а гражданская одежда у меня есть. Много ли мне надо одиночке?

А дом мне понравился. Я его как увидел, так сразу и полюбил — огромный двухэтажный домина с пристройкой из красного кирпича! Было в этом доме что-то такое... эпичное, что-то... исконное! Такие дома строили на севере России — первый этаж хозяйственный, верхний этаж жилой. Тут, наверху, — кухня, холодная веранда, две или три комнаты с русской печью или даже с двумя печами.

Внизу, на первом этаже, — хлев, дровяник, ну и все остальное, нужное для хозяйства. Тут ведь какая штука — зимой на северах бывает так холодно, что лучше бы на улицу и не выходить. Даже туалет внутри, на втором этаже — чтобы честной народ не поморозился, лютой зимой выходимши по нужде!

Приусадебный участок большой, можно даже сказать — огромный. Соток шестьдесят, не меньше. Хоть картошку сажай, хоть еще чего — случись апокалипсис, так и не пропадешь.

Честно сказать, к сельскому хозяйству у меня никакой тяги нет, и никогда не было, но сам факт обладания возможностью...

Дом этот стоял на балансе местной администрации и предоставлен под опорный пункт полиции и для проживания участкового по распоряжению главы местной администрации. Как мне было заявлено — ежели пожелаю, так дом может быть приватизирован на мое имя. Все равно он никому не нужен и только постепенно разрушается, как всегда и бывает с домами, лишенными хозяина.

Кто тут был хозяином, то есть кто именно построил этот дом — я не знаю. Спрашивал, это уж само собой — но из сослуживцев никто не знает. Кстати, не особо говорят и о том, что случилось с моим предшественником — участковым Калининским. Говорят — год продержался в Кучкине, запил, и был благополучно уволен по собственному желанию. Почему благополучно? Потому что избежал увольнения по «дискредитации». Захочет — сможет потом восстановиться в органах.

Я второй по счету участковый на этом месте. Решили, что будет опорный пункт в Кучкине — вот опорный тут и появился. А кому здесь работать? Неженатому, молодому, без семьи. Те, что с семьей, — в такую глухомань не стремятся.

Как и чем люди тут живут? Само собой, во главе угла домашнее хозяйство. Коровы, свиньи и всякое такое. Опять же — лес кормит. Грибы-ягоды, их здесь море разлитое! По крайней мере, мне так рассказывали. Грибы и ягоды сдают на приемные пункты, платят сборщикам вполне недурно — жить можно.

Ну и само собой — фермер, куда же без него! Самохин Игорь Владимирович, бывший и последний председатель здешнего совхоза, почившего в бозе много, много лет назад. Вместо совхоза на его руинах возникло фермерское хозяйство, которое исправно снабжает рабочими местами большинство окрестного населения. Эдакий новый помещик, царь и бог здешних краев.

Впрочем, когда мне рассказывали о кучкинском «барине», говорили о нем вполне себе уважительно. Зарываться он не зарывается, дела ведет по справедливости, а то, что фактически подмял под себя всю округу — так особо никто и не жалуется. В селе без жесткой руки нельзя — народ сразу разбалуются.

Самохину около шестидесяти, тут у него дом, жена. Дети (сын и дочь) давно в Москве, вроде как фирмы у них свои. Но по слухам — не такие уж и свои. На папенькины деньги созданы и ему же прибыль приносят.

Я с ним еще не встречался, только предстоит, но меня сразу предупредили, чтобы я с этим самым Самохиным отношения не портил. От него много чего в деревне зависит — может помочь, может и на хрен послать.

А еще, он в дружеских отношениях (кто бы мог подумать?!) и с начальником РОВД, и с районным прокурором, и много еще с кем из тех, кто в этой жизни совсем даже не простой человек.

Обычная ситуация, чего уж там... не дурак, разбираюсь. И в конфликт с Самохиным влезать не собираюсь — если только не коснется чего-нибудь особо нехорошего. Ну, например, напьется этот самый Самохин и начнет своих односельчан отстреливать,

приняв их за ворон или зайцев. Но это вряд ли — судя по моей информации, Самохин в чем-то подобном точно не замечен. Не запойный он, и не дурной.

Итак, середина мая — все цветет и пахнет. Я заглушил движок «уазика», остановившись на поросшей свежей травкой площадке возле ворот дома, и с минуту сидел, прислушиваясь, как в недрах двигателя что-то позвякивает, побулькивает, переливается и шипит. Да, это вам не «Мерседес». Зато и застрянет там, куда «Мерседес» даже не доедет.

Ключи от дома мне выдали в РОВД. Два ключа — один от калитки в воротах, на которой висел здоровенный ржавый замок, и второй от собственно входной двери, украшенной таким же точно замком, только чуть поновее. Видать, лучше сохранился потому, что над крыльцом имелся навес, укрывающий входную дверь от всевозможных проявлений непогоды.

Представляю, что тут делается зимой, когда злостная метель заметает все дороги... Глушь! Полная оторванность от мира! Но почему-то эта мысль меня не пугала, скорее, наоборот, — вот так спрятаться от мира и сидеть бирюком, глядя в окно на то, как бесчинствует метель. Ни тебе начальства, ни тебе подчиненных-идиотов, вечно треплющих нервы и ломающих аппаратуру. Лежи у печки, читай книжки, благо что я накачал этих самых книжек воз и маленькую тележку. Всегда любил читать книги, особенно фантастику, только вот не всегда удавалось это делать. В юности — книжки были дорогие, после — не было времени, суета заедала. А вот теперь...

В доме пахло «пылью веков». Такой неуловимый, хмм... странный запах. Даже и не скажешь,

из чего он сложился — немного копоти из русской печки, водрузившейся посреди кухни, немного запахов еды, впитавшихся в бревенчатые стены, немного запаха курева — прежний жилец видимо курил, в отличие от меня, и мой нос сразу ощутил табачную вонь. Каких только запахов здесь не было, и мне предстояло максимально избавиться от них от всех. И сделать это можно было только одним способом — как следует вымыть и пол, и стены. Проветрить помещение, и... заполнить своими запахами, такими же прилипчивыми и стойкими.

Нет, я не курю. Но люблю готовить что-нибудь вкусненькое, еще — хороший одеколон люблю (типа «Богарта» или ему подобного). Шампунь хорошие люблю. Мыло душистое. И вообще — люблю чистоту и порядок, как вообще-то и положено нормальному связисту.

Перво-наперво разгрузил «уазик», забитый под самую крышу. Расставил кухонные девайсы — микроволновку, без которой уже как-то и не представляешь свою жизнь, газовую плиту на две конфорки, питающуюся от газового баллона (как без газа? А в этой глухомани газ не скоро еще появится, если вообще появится когда-нибудь). Вещи, продукты — все по местам, все по коробкам. Бежать в магазин пока не нужно — с голоду не помру. Картошка, тушенка — все есть. Ну а там договорюсь насчет молока, мяса и всякого такого.

Закончив с обустройством себя молодого, отправился в опорный пункт полиции, собственно ради чего мой еще не старый организм в этой местности и оказался.

Тут никаких неожиданностей — грубо сложенное в три кирпича одноэтажное сооружение, напоминающее бункер, решетки на окнах, стальная дверь, вделанная в бетонный косяк. Крепкая штука, точно. Так просто туда не проникнешь. Другой вопрос — зачем туда проникать? На кой черт кому-то из людей стремиться попасть в опорный пункт полиции, в котором нет ничего, кроме столов, стульев и плакатов, призывающих к мирной жизни в правовом поле?

Впрочем, народу все нужно, даже казенные столы и стулья. Да и наложить горячую кучу посреди ненавистной «мусарни» — это ли не предел мечтаний гордого борца с «кровавым режимом»?

В деревнях едва ли не половина мужиков или сидели, или сидят. И статьи разные — от «крадуновских», до самых настоящих убийств. Так что можно ожидать всего, чего угодно.

Кстати, обнаружил, что из помещения опорного пункта есть выход в основной дом — в хлев. То есть из него имеются два выхода — наружу, на улицу, и, типа, задний ход. Зачем? Наверное, чтобы можно было войти в опорный и зимой, когда занесет. Только вот какой тогда смысл в него заходить, если никто не сможет войти снаружи?

Некоторые загадки лучше и не пытаться разгадать. Только мозги закипят. Хотя... если хорошенько подумать, — а дрова-то для печи опорного пункта где находятся? Тоже в хлеву! То есть — в дровянике под домом. То есть скорее всего это просто хозяйственный выход — например, за теми же дровами.

Печка, кстати, в опорном хорошая — долгого горения. Заложил дров, разжег, они и тлеют себе ча-